

УДК 821.161.1-94(045)

*М.Н. Волвенкин***ЛЕЧИТЬ БОЛЕЗНЬ ПОРЯДКОМ: О МЕДИЦИНЕ В ДНЕВНИКЕ Л.Н. ТОЛСТОГО
1847 года**

Статья посвящена изучению генезиса темы медицины в творчестве Л. Н. Толстого. Основное внимание уделяется ранним дневникам автора, знаменующим «методологический» период его творчества. Примечательным оказывается то, что один из первых опытов толстовского письма тесно связан с таким элементом художественной картины мира, как болезнь. Она понимается как исключительно внутреннее явление. Потому и лечение становится возможным лишь изнутри, благодаря вытеснению внешних элементов и организации наблюдения за самим собой. Последнее, что примечательно, реализуется через слово. Следствием этих особенностей является интересное положение методов избавления от недуга, находящееся на границе медицины и педагогики. В то же время стоит отметить парадоксальность изображения области телесного в тексте писателя. С одной стороны, тело контактирует напрямую с внешним миром, но с другой – повествователь пытается упорядочить его деятельность так же, как и деятельность специфически внутреннюю.

Ключевые слова: «Толстой и медицина», дневники Л. Н. Толстого, «моральная болезнь», «методология самонаблюдения», воспитание как лечение, клиническая медицина.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-859-863

Тема «Толстой и медицина» уже не единожды привлекала внимание исследователей. И это не случайно: медицинский дискурс в творчестве Л. Н. Толстого занимает пусть и не центральное место, однако проявляется регулярно, что наводит на мысль о его определённой значительности для художественного мира писателя. Чаще всего при упоминании «медицины» в контексте его творчества речь идёт о более поздних текстах, таких как «Крейцера соната» (1891), например, где медицина резко осуждается, а врачи прямо называются «убийцами». Но если рассматривать лишь отдельную часть, опуская само встраивание её в художественное целое, не учитывать колебание соотношений на протяжении такого длительного творческого пути, то есть вероятность упустить многие нити в текстах писателя.

В рамках становления творчества Л. Н. Толстого Б. М. Эйхенбаум в работе «Молодой Толстой» (1922) выделяет «методологический» период (1847–1851 гг.), связанный с самонаблюдением, с попыткой упорядочить (и как следствие упростить), организовать душевную жизнь в дневниковых записях. Согласимся с учёным: «Можно сказать, что эти годы – не столько работа над мирозерцанием, сколько над *методологией самонаблюдения*, как подготовительной ступени к художественному творчеству» [5, с. 29]. К такому заключению приводят, главным образом, две особенности дневников писателя того периода. Во-первых, Л.Н. Толстой несколько беспорядочно регламентирует жизнь, сосредотачиваясь не только на занятиях служащих саморазвитию (а именно наблюдение за саморазвитием он выделяет как главную цель ведения записей: «Я никогда не имѣлъ дневника, потому что не видалъ никакой пользы отъ него. – Теперь же, когда я занимаюсь развитіемъ своихъ способностей, по дневнику я буду въ состояніи судить о ходѣ этаго развитія» [3, с. 29]), но и, например, на игре в карты. Сама форма многочисленных правил, приложимых ко всему, более напоминает упражнение в организации мыслей. Во-вторых, большая часть этих правил вовсе не исполняется, в некотором смысле конфликтуя со сложной душевной жизнью, однако неисполнение их не останавливает работы над формулированием – наоборот, к 1850-му г. правила и наблюдение за их исполнением составляют главную его часть дневника.

Истоки вышеозначенной темы стоит искать в текстах этого периода. Первая тетрадь дневников Л. Н. Толстого открывается следующими словами: «Вотъ уже шесть дней, какъ я поступилъ въ клинику, и вотъ шесть дней, какъ я почти доволенъ собою» [3, с. 3]. С одной стороны, это высказывание соответствует биографическому факту: писатель в марте 1847 поступил в клинику Казанского университета, где проходил лечение от гонореи. Но с другой – в самих записях «поступление в клинику» связывается с толстовской «методологией самонаблюдения». Стоит заметить, что в дневнике за 1847 г. отсутствуют какие-либо внешние события. Исключение составляют лишь уже упомянутое «по-

ступление» и «переход» домой: «Причиною тому было, во-первыхъ, мой переходъ изъ клиники до-мой; а во-вторыхъ, общество, съ которымъ я сталъ имѣть больше сношеній» [3, с. 30], – в которыхъ словно закольцовывается первый опыт толстовского письма¹. О том, что происходило внутри клиники, нисколько не упоминается: не оговариваются симптомы, не характеризуется поведение врачей, не поддается оценке взаимодействие руки врача с телом пациента. Болезнь, как элемент художественного мира, провоцирует обращение повествователя к самому себе. Обращение, которое ярко проявится гораздо позже – в черновом варианте «Смерти Ивана Ильича» (1886) и будет рассматриваться исследователями в рамках «нарративной» медицины².

Первую запись в дневнике (17 марта 1847 г.) стоит разобрать подробнее. Само поступление в клинику, время, проведенное в ней, ставятся в параллель с результатом процесса самооценивания. Первой же фразой автор очерчивает внешнюю и внутреннюю реальности, которые следом связываются как причина и следствие: «Я получилъ Гаонарею, понимается, отъ того, отъ чего она обыкновенно получаетъ; и это пустое обстоятельство дало мнѣ толчокъ, отъ котораго я сталъ на ту ступень, на которой я уже давно поставилъ ногу; но никакъ не могъ перевалить туловище (отъ того, должно быть, что не обдумавши поставилъ лѣвую ногу вмѣсто правой)» [3, с. 3]. Заражение становится «пустым обстоятельством», которое способствует качественному преобразованию повествователя. Впрочем, хотя это «обстоятельство» и называется «пустым», стоит вспомнить, что особенности половой жизни будут не раз рассматриваться с нравственной точки зрения в текстах Л. Н. Толстого (например, в «Крейцеровой сонате», где, к слову, между мужчиной и женщиной будет вписана фигура врача).

Главной (и почти единственной) характеристикой клиники является отсутствие какого-либо внешнего влияния: «Здѣсь я совершенно одинъ, мнѣ никто не мѣшаетъ, здѣсь у меня нѣтъ услуги, мнѣ никто не помогаетъ – слѣдовательно на разсудокъ и память ничто постороннее не имѣетъ вліянія, и дѣятельность моя необходимо должна развиваться» [3 с. 3]. Причѣм, заметим, «вредны» не только люди, явно мешающие, но и люди, желающие помочь. Следовательно – всякое внешнее влияние искажает внутреннюю деятельность человека³. Последнее находится во взаимосвязи с тем, что человек определяется как саморазвивающийся субъект, наделенный врожденными качествами: «Кто виноватъ тому, что мы лишаемся врожденныхъ въ насъ чувствъ: смѣлости, твердости, разсудительности, справедливости...» [3, с. 33].

Идея обособления от внешнего влияния является для дневника 1847 г. одной из центральных. Условия клиники, болезнь способствуют этому, но разочарование от возвращения из изоляции приводят к следующему выводу: «Перемѣна въ образъ жизни должна произойти. Но нужно, чтобы эта перемѣна не была произведеніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но произведеніемъ души.» [3, с. 30]. Внешние обстоятельства позволяют увидеть «разврат души», но не преодолеть его: «пустое» должно смениться «наполненным».

Создается впечатление, что в палате клиники кроме саморазвивающегося субъекта никого нет. Он словно находится в идеальной изоляции. Чѣ-либо присутствие для повествователя является незначительным, находящимся вообще вне оппозиции внешнего и внутреннего. Впрочем, в самом начале дневника Л. Н. Толстой пишет: «<...> я почти доволенъ собою» [3, с. 3]. В этих словах проявляется своеобразное разграничение области себя. С одной стороны, можно выделить «я» наблюдающее (оно фиксирует события жизни в дневниковой форме, создает правила, следит за их исполнением), с другой стороны, – «я» подвергающееся наблюдению, отдаленное от области слова. Причѣм структура наблюдения в этих первых дневниках многоуровневая, так как оно ведѣтся и над самим письмом, о чѣм свидетельствует множество зачѣркиваний, исправлений.

Б. М. Эйхенбаум отмечает «педагогический тон» дневников: «Вопрос о пользе уединения, самый характер афоризмов и поучений – всё вызывает в памяти образы XVIII века, эпохи доверия к разуму и потому педагогической больше всего» [5, с. 14]. И действительно: стоит взглянуть, прежде всего, на то,

¹ Первые две тетради. Следующие записи появятся только в 1850.

² Например, «Der Tod des Iwan Iljitsch als literarisches Beispiel für narrative Aspekte in der Medizin» von C. Ploeger, J. Carlet, M. Dieckelmann, M. Hanf, F. Wicke.

³ Толстой чуть дальше будто бы противоречит себе: «Уединение равно полезно для челоука, живущаго въ обществѣ, какъ общественность для челоука, не живущаго въ ономъ» [3, с. 3]. Однако зачѣркнутое «физически полезна» даѣт понять, что влияние общества иное: оно связано, как мы полагаем с организацией быта. Слово же «физически» (как и «морально») было зачѣркнуто из-за того, что обе характеристики могут относиться к области «самого себя» человека.

как определяется цель ведения дневника: «Я никогда не имѣлъ дневника, потому что не видалъ никакой пользы отъ него. – Теперь же, когда я занимаюсь развитіемъ своихъ способностей, по дневнику я буду въ состояніи судить о ходѣ этаго развитія» [3, с. 29]. Для сравнения можно привести цитату из книги по педагогике середины XIX в.: «Воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ есть обдуманное развитіе и образованіе всѣхъ, человѣку дарованныхъ силъ, направленное такъ, чтобъ онъ могъ достигнуть наилучшимъ образомъ своего назначенія» [2, с. 3]. Стоит заметить, несмотря на то что идея «развитія способностей/сил» является общей, в тексте Л. Н. Толстого она выходит за рамки одной личности и даже целого общества. Речь уже идёт о развитіи «всего существующаго»: «Какая бы ни была точка исхода моего разсужденія, что бы я ни принималъ за источникъ онаго, я прихожу всегда къ одному заключенію: цѣль жизни человѣка есть всевозможное способствованіе къ всестороннему развитію всего существующаго» [3, с. 30].

Определение «цели жизни» есть уже последний этапъ противостоянія «разврату души». Предшествуетъ ему методичное формулированіе и попытка примененія различныхъ правилъ, способствующихъ организаціи души, приданію ей порядка. Весьма примечательнымъ представляется первое правило, появляющееся в тексте: «Я читалъ наказъ Екатерины и такъ какъ далъ себѣ вообще правило, читая всякое сурьезное сочиненіе, обдумывать его и выписывать изъ него замѣчательныя мысли <...>» [3, с. 4]. Это правило оказывается удивительно сообразно самой логикѣ веденія дневника и обращенію упомянутого нами «я» наблюдающаго къ «я», подвергающемуся этому наблюденію. Слово выступаетъ въ качествѣ своеобразнаго водораздела между этими «я». Дневниковыя записи фиксируютъ явленія жизни, способствуютъ ихъ упорядочиванію, а также создаютъ возможность для обратнаго вліянія. Какъ изъ всякаго «серьёзнаго сочиненія» можно извлечь пользу (слово, не единожды появляющееся въ дневникѣ), такъ её можно извлечь и изъ зафиксированной въ словѣ жизни. Жизнь многогранна, потому къ ней приложимы различные типы правилъ: внутренніе (применимые къ области телеснаго, чувственнаго, умственнаго) и внешніе, многіе изъ нихъ невероятно детализованные, напримеръ «Правила для развитія способности приводить выводы въ порядокъ», «Правила для развитія чувствъ высокихъ и уничтоженія чувствъ низкихъ, или иначе: правила для развитія чувства любви и уничтоженія чувства самолюбія», «Правила для развитія деятельности телесной» и т. д. Безусловно, это «извлеченіе пользы» исходитъ изъ идеи всесторонняго развитія и самообразованія, по сути, генеральной для дневника этаго года. Однако особенно интереснымъ оказывается то, что здѣсь самообразование соседствуетъ съ самолеченіемъ.

Правила помогаютъ преодолѣть «разврат души», избавиться отъ страстей, развращающихъ душу. Страсти, пороки особенно съ 1850 г. будутъ всё чаще появляться на страницахъ дневника. Въ дневникѣ за 1852 г. находимъ, напримеръ, следующее: «Сколько я могъ изучить себя, мнѣ кажется, что во мнѣ преобладаютъ 3 дурныя страсти: игра, сладострастіе и тщеславіе» [3, с. 93]. И последняя, что примечательно, охарактеризована какъ болѣзнь: «Это какая-то моральная болѣзнь вродѣ проказы, – она не разрушаетъ одной части, но уродуетъ все, – она понемногу и незамѣтно закрадывается и потомъ развивается во всемъ организмѣ; нѣтъ ни однаго проявленія, которое бы она не заразила, – она какъ венерическая; ежели изгоняется изъ одной части, съ большей силой проявляется въ другой» [3, с. 94–95]. Интересную запись о томъ, какъ «моральная болѣзнь» усиливаетъ физическую и о преодолѣнии «моральной болѣзни» порядкомъ находимъ, напримеръ, въ дневникѣ за 1853 г.: «Подъ предлогомъ болѣзни я отступаю отъ порядка и безпорядочность усиливаетъ ежели не физическую, то моральную болѣзнь (мнительность), тогда какъ, напротивъ, надо стараться порядкомъ обуздывать её» [3, с. 210]. Если вернуться къ тетради 1847 г., то можно сказать, что болѣзнь протекаетъ въ другой (не телесной) плоскости. Гонорея, о которой говорится въ началѣ дневника, повествователю совершенно неинтересна, всё вниманіе его направлено на иной недугъ – «разврат души». Къ избавленію отъ него ведутъ методы скорѣе педагогическіе, нежели медицинскіе: леченію въ толстовскомъ текстѣ способствуетъ дисциплина, возвращающая жизни порядокъ.

Если съ этими разсужденіями вновь обратиться къ темѣ уединенія, то можно обнаружить определённую аналогию толстовскаго самонаблюденія съ некоторыми особенностями клиницистской мысли. Главнымъ образомъ, это касается изоляціи. Концомъ типологической медицины, какъ отмѣчаетъ М. Фуко, становится отрицаніе идеи, согласно которой болѣзнь должна размещаться и развиваться свободно (т. е. вне особаго пространства для неё предназначеннаго), не изменяя свою природу. Клиника начинаетъ формироваться съ мысли объ изоляціи и контролѣ: «Поэтому же было необходимо осуществлять контроль надъ этими врачами, ограничивать злоупотребленія, объявлять вне закона шарлатановъ, избегая, съ помощію здоровой и разумной организаціи медицины того, чтобы домашній уходъ не превращалъ больнаго въ жертву и не подвергалъ бы его окруженію опасности зараженія» [4, с. 47–48]. Контроль и

удинение в толстовском тексте также являются основой излечения от пороков (либо воспитания и обучения, помогающих преодолеть пороки), которые часто отличаются своей заразительностью⁴. Подобно тому, как клиницисты создавали новый язык для передачи нового взгляда на болезни и тело, Л. Н. Толстой создаёт свой метод и свой язык для изучения душевной жизни. Последняя в рамках толстовского письма предстаёт в виде смены состояний (часто противоречивых), а сознание, как верно указывает Б. М. Эйхенбаум, «разлагает её на моменты и оформляет самую последовательность» [5 с. 48]. Разница, пожалуй, в том, что в одном случае – стремление рассказать увиденное, а в другом – невидимое, но сделать это нужно в обоих случаях фактом⁵.

И последнее, что отметим, – это стремление преодолевать «разврат души», подчиняя порядку тело. Парадокс в том, что повествователь называет непосредственно телесные обстоятельства «пустыми», но работа над телом ведётся постоянно. В самом дневнике за 1847 г. об этом есть всего одно упоминание: «Я начинаю приобретать волю телесную; но умственная еще очень слаба» [3, с. 29–30]. Однако это «обретение» телесной воли регламентируется в правилах, которые Л. Н. Толстой составляет примерно в то же время. Тело, согласно им, вообще находится в области внутренней деятельности («в отношении к самому себе»). Да и логика здесь та же – приведение в порядок: «Правило общее. – Всѣ дѣянія должны быть опредѣленіями воли, а не безсознательнымъ исполненіемъ тѣлесныхъ потребностей» [3, с. 266]. Потому, вероятно, некоторые из правил относительно тела звучат весьма странно: «4) Будь вѣренъ своему слову» [3, с. 267]. Однако странно лишь на первый взгляд, ведь тело тоже облекается в текст для извлечения пользы путём разложения на мельчайшие элементы («6) Имѣй всегда таблицу, въ которой бы были опредѣлены всѣ самыя мелочныя обстоятельства твоей жизни, даже сколько трубокъ курить въ день» [3, с. 267]) и последующего упорядочивания в упражнениях. Это стремление вскоре разовьётся в увлечении гимнастикой, которая, к слову, в середине XIX в. понималась как деятельность на границе медицины и педагогики⁶.

Как нам представляется, толстовская самобытная мысль о болезни, её природе и лечении минует собственно медицинские представления. Она встраивается в превалирующую идею дневника 1847 г., согласно которой цель жизни есть всестороннее развитие. Упорядочивание, структурирование жизни в форме дневниковых записей способствуют не только процессу саморазвития, но и самолечения. Повествователя интересует не физическая болезнь, но моральная, именуемая «развратом души». В то же время стоит отметить, что тело полностью не исключается из повествования. Наоборот, в рамках оппозиции внешнего и внутреннего, оно включается в область самого себя. В целях саморазвития и избавления от пороков тело также ставится в зависимость от слова.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Домашняя врачебная гимнастика, для обоого пола и для всех возрастов, начиная от 3-х и свыше 60-ти лет. М.: Типография Т. Волкова и комп., 1858. 206 с.
2. Ободовский А. Руководство к педагогике, или науке воспитания. СПб.: Типография Конрада Вингебера, 1835. 254 с.
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. («Юбилейное»): в 90 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1928–1958. Т. 46. Дневник 1847–1854. 606 с.

⁴ Тема заражения для Л.Н. Толстого частотна, в качестве примера можно вспомнить пьесу «Заражённое семейство» (1864).

⁵ Заметим что эти факты внутренней жизни для Л.Н. Толстого являются фактами особого рода, способными незамедлительно обрести свою противоположность. Так, например, он критикует заявленную Екатериной II возможность наказания намерения: «По моему мнѣнію, намѣреніе, такъ какъ есть дѣйствіе души, не выразившееся во внѣшности, никогда не можетъ быть противно закону Юридическому, ибо оно не подлежитъ ему. Всѣ дѣйствія души не подлежатъ ничему, кромѣ воли, а воля есть способность неограниченная. Хотя сказано, что подлежатъ наказанію дѣянія, доказывающія преступное намѣреніе, но и эти дѣянія не должны быть наказываемы, ибо такковыя дѣянія сами по себѣ никакого вреда не приносятъ. – А намѣреніе его, такъ какъ подлежитъ вліянію его воли, то злое намѣреніе передъ осуществленіемъ своимъ [можетъ] переимѣниться въ доброе» [3, с. 14]

⁶ Цитата из книги «Домашняя врачебная гимнастика, для обоого пола и для всех возрастов, начиная от 3-х и свыше 60-ти лет» (1858): «Гимнастика есть искусство, научающее правильному употреблению тѣлодвиженій и способствующее стройному образованію человѣческаго тѣла, поддержанію и сохраненію здоровья, какъ прочнаго основанія всѣхъ отправлений человѣческаго тѣла, равно какъ достиженіе тѣлесной силы, проворства и спокойнаго расположена духа» [1, с. 5].

4. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 320 с.
5. Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. Петербург–Берлин: Издательство З.И. Гржебина, 1922. 155 с.

Поступила в редакцию 23.06.2022

Волвенкин Михаил Николаевич, аспирант филологического факультета
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
E-mail: mvolvenkin@mail.ru

M.N. Volvenkin

TREAT ILLNESS IN ORDER: ABOUT MEDICINE IN L.N. TOLSTOY'S DIARY, 1847

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-859-863

The article is devoted to the study of the genesis of the theme of medicine in the works of Leo Tolstoy. The main attention is paid to the author's early diaries, which mark the "methodological" period of his work. It is noteworthy that one of the first experiments of Tolstoy's writing is closely connected with such an element of the artistic picture of the world as illness. It is understood as an exclusively internal phenomenon. Therefore, treatment becomes possible only from within, thanks to the displacement of external elements and the organization of self-observation. The last, which is remarkable, is realized through the word. The consequence of these features is an interesting position of methods of getting rid of the disease, located on the border of medicine and pedagogy. At the same time, it is worth noting the paradoxical nature of the image of the bodily area in the writer's text. On the one hand, the body is in direct contact with the external world, but on the other hand, the narrator tries to streamline its activity in the same way as specifically internal activity.

Keywords: "Tolstoy and medicine", Leo Tolstoy's diaries, "moral illness", "methodology of self-observation", education as a treatment, clinical medicine.

REFERENCES

1. Domashnyaya vrachebnaya gimnastika, dlya oboego pola i dlya vsekh vozrastov, nachinaya ot 3-h i svyshe 60-ti let [Home medical gymnastics, for both sexes and for all ages, from 3 to over 60 years old.]. M.: Tipografiya T. Volkova i komp [Printing house T. Volkov and comp.], 1858. 206 s. (In Russian).
2. *Obodovskij A.* Rukovodstvo k pedagogike, ili nauke vospitaniya [Guide to Pedagogy, or the Science of Education.]. SPb.: Tipografiya Konrada Vingebera [St. Petersburg: Konrad Wingeber Printing House], 1835. 254 s. (In Russian).
3. *Tolstoj L.N.* Poln. sobr. soch. («Yubilejnoe») [Complete collected works («Jubilee»)]: v 90 t. M.: Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury [in 90 t. M.: State publishing house of fiction.], 1928–1958. T. 46. Dnevnik 1847–1854. 606 s. (In Russian).
4. *Fuko M.* Rozhdenie kliniki [The birth of the clinic]. M.: Smysl, 1998. 320 s. (In Russian).
5. *Ejhenbaum B.M.* Molodoj Tolstoj. Peterburg–Berlin [Young Tolstoy. Petersburg–Berlin]: Izdatel'stvo Z.I. Grzhebina, 1922. 155 s. (In Russian).

Received 23.06.2022

Volvenkin M.N., PhD student of the Faculty of Philology
Voronezh State University
Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394018
E-mail: mvolvenkin@mail.ru